

ГЮЛЬШАН ТОФИКГЫЗЫ

РАССКАЗЫ

Стражник Аурангзеба

Отравившись нахимиченной клубникой, моя дочь попала в токсикологическое отделение Центральной клинической больницы. Мы привезли ее туда, едва дышащую, покрывшуюся безобразными красно-бурыми пятнами и зловещей сыпью по всему телу. Все были страшно напуганы и не отходили от нее несколько дней ни на шаг. Но, слава Богу, усилиями врачей и наших кошельков, опорожненных в «коктейли» и капельницы, все обошлось. И теперь она все больше настаивала на выписке, просила забрать ее домой, хотя внешне еще напоминала политый уксусом мухомор.

– Ну, пожалуйста, заберите меня отсюда, – ныла дочка, обещая дома добросовестно принимать все лекарства и держать строгую диету. – Нет больше сил терпеть эту Монсеррат!

«Монсеррат» – девица, укушенная ядовитой змеей и привезенная в Баку две недели назад из Барды. Родственники, оставив ее в больнице и убедившись, что опасность миновала, уехали и с тех пор не навещали девушку. Сказали, что заберут, когда окончательно выздоровеет. Приезжать часто в такую даль, ясное дело, накладно. Вот она и скучала на больничной койке, листая дочкины журналы, восторженно комментируя иллюстрации и красочные фотоэтюды с условно одетыми мужчинами и женщинами – под предположительно южными небесами. При этом она умудрялась напевать сложенную самой песню: *«Никто не подобьет гвоздя В мою подкову-у-у-у! Никто не посыплет соли В мой пло-о-ов! Никто не даст ячменя Моему ишаку-у-у! Никто не нальет воды В мой каза-а-а-ан! Ох, змея, змея-а-а-а, Ты не тело мое отравила-а-а-а. Ты мне всю жизнь отравила-а-а-а! Почему назвали меня Гаратель? Лучше бы назвали Гарагю-у-у-ун!»* Конечно же, песня была не серьезной, и соседка по палате вовсе не хотела докучать изнеженной горожанке. Наоборот, пыталась ее развеселить. Но больничный фольклор бардинки не производил впечатления на мою дочь и лишь раздражал однообразием тематики. Хотя эпитеты были красочны, и посетители смеялись до упаду над образами, создаваемыми жизнерадостной деревенской девушкой. Другая ее песня была полной противоположностью предыдущей: *«Ай, спасибо тебе, змея, Ай, спасибо тебе, благодетельница! Где бы я так отдохнула, Если бы не ты? Когда бы я приехала в столицу, Если бы не ты? Когда бы я так наедалась и напивалась, Если бы не ты? Укуси меня еще раз, милая!»*

Не без таланта девица, ничего не скажешь! За день до выписки моей дочери бардинку, наконец, забрали родственники, приехавшие в Баку по своим торгово-рыночным делам. Заодно, так сказать, и ее прихватили. Она уезжала скорее с сожалением, чем с радостью, возвращаясь к привычной и трудной деревенской жизни. Моя дочка, к удивлению, тоже загрустила. Без девушки-певуньи в палате стало тоскливо. Уже стемнело, когда мы собирались уходить, складывая в пакеты не нужные в связи с грядущей выпиской вещи.

– Осторожнее, вот так, – поправляя подушку и простыню, приговаривала санитарка, устраивая на освободившейся койке девушку, переведенную из реанимации. Там она провела два дня. Девушка была бледная до прозелени, с абсолютно бескровными губами и черными кругами вокруг глаз. Ее звали Мехин.

– Теперь все будет хорошо, – утешала медсестра двух заплаканных женщин. –

Еще смеяться будет над собой, глупышка. А жестокости и бессердечию скоро и сама удивляться перестанет. Жизнь научит.

Капельница медленно выплакивала содержимое литрового флакона в вену Мехин. Сейчас она спала, и мать, молодая еще женщина, утомленная страхом за жизнь дочери, поведала нам о происшедшем. Мехин встречалась с одним парнишкой. Любовь у них была. По крайней мере, дочь в это верила. Но родители того парня, Ильгара, категорически воспротивились их браку. У них на заметке была другая невеста, родственница-землячка. Ильгару и Мехин пришлось расстаться, и вскоре он женился на той, которую назначили ему в жены родители. Мехин долго переживала эту разлуку. Но жизнь не стоит на месте, и она дала согласие выйти замуж за сватавшего ее дальнего родственника. Он, хоть и гораздо старше нее, но очень достойный и хороший человек. Как надежный спутник... Словом, сыграли свадьбу. Но после свадьбы жених повел себя как-то странно: спать ушел в другую комнату, с невестой был хоть и вежлив, но холоден. А через несколько дней протянул ей записку.

– Читай, – подавляя гнев, сказал он. – Я ждал и думал, ты сама все расскажешь. Я бы простил... Но обмана не потерплю. Месяца через два разведемся, чтоб не было пересудов. Я все-таки не хочу портить тебе жизнь. Ты молода, еще устроишься, а мне лживая не нужна.

Ничего не понявшая, Мехин стала читать записку. Она была короткой, унижительной и заканчивалась словами: «Я сливки слизал, а ты молоко лакать будешь».

– Но это неправда! – возмутилась девушка.

– Ты говорила, что у тебя никогда не было любимого человека. А это тоже оказалось неправдой...

– Прости... Разве это так важно? Все давно прошло.

– Как видно, не все...

Девушка была в шоке и не нашла ничего лучшего, чем наглотаться на ночь какой-то гадости в пилюлях. Едва спасли.

– Что теперь будет? Какой позор! – стенала мать. – Хорошо еще, жива осталась, ласточка моя. А каковы мужчины! Мразь – один хуже другого. Ни чести, ни достоинства!

Я слушала и думала, что медсестра права: придет время, и Мехин будет сожалеть о своем поступке, чуть не стоившем ей жизни. А еще я думала о понятии **«мужская честь»**. Что это? В чем она проявляется? В отказе от оступившегося любимого человека?

***

Принцесса Умай-ун-Ниса стала седьмой женой Аурангзеба, наместника Тамерлана в одном из индийских вилайатов. Дождаясь церемонии бракосочетания, она долгие дни и вечера проводила у окошка своих покоев, которые выходили в чудесный сад, пьянящий ароматом жимолости. Вход в сад охранял молодой стражник, воин с безукоризненной репутацией верного, отважного и правдивого слуги. Не зря повелитель доверил ему охрану юной принцессы. Другие подданные даже потешались над его чрезмерной правдивостью.

– Ложь – дорога к бесчестию, – отвечал на их насмешки юноша. – Даже маленькая ложь может стать причиной большого позора.

Но случилось так, что принцессе Умай-ун-Нисе приглянулся красивый и статный стражник, и она стала оказывать ему знаки внимания. Как трудно устоять перед огнем черных очей, когда дурманящий аромат жимолости наполняет ночной воздух, а молодая кровь закипает, как лава в недрах вулкана! Тот стражник носил на груди длинный выющийся черный волос принцессы Умай-ун-Нисы, который украдкой снял с колючего розового куста. Этот волос жег грудь и распалал сердце, когда принцесса, принимая из его рук цветы, касалась пальцами ладони.

И вот однажды, в канун свадьбы правителя и Умай-ун-Нисы, Аурангзев вызывает к себе молодого стражника.

– До меня дошли некие слухи, – сверкая гневным взором, начал он. – Но я верю тебе и хочу услышать правду. Ведь ты правдив, не так ли? Ведь ты считаешь ложь бесчестьем, не так ли? Вот и ответь мне: обреку ли я себя на бесчестье, сделав своей женой Умай-ун-Нису. Правдивы ли слухи о ее внимании к тебе? Ты храбрый воин. Я не стану тебя убивать. Просто накажу. Но, если это правда, принцесса будет казнена, как того требует закон.

Холод пробежал по спине стражника. Но был это не страх за себя, а страх за жизнь Умай-ун-Нисы. Если он скажет правду, ее предадут мучительной казни. Если же солжет – то мучительной казни подвергнется его душа, оскверненная ложью.

– Нет, мой повелитель, – твердо и холодно произнес стражник. – Принцесса чиста и достойна быть супругой Аурангзеба!

– Ты можешь поклясться?

– Вот моя клятва! – с этими словами стражник выхватил меч и одним махом отсек себе кисть левой руки.

Придворные ахнули, а правитель, приказав врачевателям унять кровь и перевязать рану, сердито продолжил:

– Зря ты это сделал. Ты лишил меня смелого и верного воина. Я бы тебе и на слово поверил.

– Ложь – дорога к бесчестью... – шепотом, который услышало лишь его сердце, промолвил стражник.

***

Я рассказала эту историю, чтоб показать, чем способен пожертвовать настоящий мужчина, спасая честь и жизнь любимой. Тот стражник, спасая от бесчестия принцессу, солгал, что было для него неприемлемым. Но тут же наказал себя за ложь. Вот я и думаю, что бедняжка Мехин еще не встретила настоящего мужчину. А так хочется верить, что они были не только во времена принцессы Умай-ун-Нисы!

Я задушу вас обоих!

– Изя? Ты нашел мне замэну? Не разбивай мое сэрцэ! Если так, то я задушу вас обоих своим роскошным тухэсом! Это говорю тебе я, Шимона Бен-Элайзер.

Потрясающий, неповторимый сленг тети Симы неизменно приводил в восторг соседей коммуналки и в трепет тщедушного Измаила Пейсаховича, лбом едва дошедшего до необъятной груди своей супруги. Изо дня в день, долгих сорок лет повторялись предупреждения по поводу «разбитого сэрца». Бог мой, какая «замэна»?! Бедному Изе и в дурном сне не привиделось бы. Его на полтонны «Симочкиной страсти» едва-то хватало. Все за глаза так ее и называли «Полтонны страсти». Не знаю, сколько было страсти в громадном теле Симоны, но персоны колоритнее не было во всем дворе. Рыжая шевелюра в мелких бигуди, кроваво-алая губная помада, почти фиолетовый лак на ногтях, лилово-сизые румяна на всю щеку... На грудь можно было запросто поставить поднос с горохом – не просыплется. Сигарета на длинном мундштуке слоновой кости, зажатая между пухленькими указательным и средним пальцами, и изящно изогнутый мизинец с бирюзовым кольцом. Крупные оранжевые бусы (имитация янтаря) и коралловый браслетик на складчатом запястье. Все это многоцветие ложилось топографическими обозначениями на Симонин глобус, завернутый в голубое с коричневым шифоновое платье. Оно-то и уподобляло пышнотелую Симону гигантскому глобусу. Голубые океаны и коричневые острова.

– Изя? Ты опять лжешь мне, как твои предки фарисеи? – доносилось порой из прихожей через неприкрытую дверь. – Бог Израиля воцаряется не только на горе Сион. Он все видит даже тут, на благословенном Абшероне. Ну-ка, посмотри мне в глаза! Почему ты не ешь? Почему ты сыт? Кто накормил тебя? Нет аппетита? А что сделалось с твоей памятью? Софочка сказала мне, что в субботу ты не назвал в заупокойной имени моей бабушки. Разве светлая память Розалии Бен-Мойше уже не дорога тебе?

– Прости, мамочка, их так много, покойниц. Вероятно, упустил по рассеянности. Но ведь Софочка могла бы сделать это и сама, – оправдывался Измаил Пейсахович.

– Покойниц много, а бабушка Розалия одна! – всхлипывает Симона. – Или ты забыл Холокост?!

– Знаю-знаю. Не забыл. Как можно? Прости, мамочка.

– В эту субботу я сама буду в синагоге и «забуду» назвать имя твоего брата Мордехая!

– Не гневи Бога, душа моя.

– Бога? Ты вспомнил Бога? Ты пришел домой на час позже обычного. Признавайся! Или я задушу вас обоих...

– ...своим роскошным тухэсом, – продолжал за нее Измаил Пейсахович. – Я встретил по дороге домой Мирона, племянника Оси. Немного поболтали, выпили пивка у Мухтара.

– Так вот почему у тебя не хватило денег отоварить мой список!

– У меня все равно бы не хватило денег. Это не список – это целый Талмуд.

– Не смей кощунствовать! Как можешь ты уподоблять перечень овощей священному писанию!

– Прости, мамочка, я не так выразился...

И так сорок лет. Но горе и радость скачут по жизни в одной упряжке. Когда Изя умер, казалось, не будет конца слезам Симоны.

– О, горе мне, горе! Почему ты так рано ушел от меня, Изя! Я не роптала бы за измэну, но лучше бы ты жил... – стенала безутешная Симона. – Изя, любовь моя, жизнь моя, сокровище мое!

Случилось так, что одно горе привело за собой и другое. Очень скоро скончалась от тяжелого недуга дочь Симоны Софочка.

– Бабушка, почему ты не называешь имя мамы в заупокойной? – спросила как-то в синагоге дочь Софочки Сарра и сама крикнула раввину с балкончика: – София Бен-Измаил!

– ...Бен-Иосиф... – тихо произнесла Симона. Сарра удивленно оглянулась на опустившую глаза Симону. – Бен-Иосиф, – повторила Симона. – Да, Сарра, сэрсэ мое. Бен-Иосиф...